

СТЭНЛИ ДЖОРДЖ ПЕЙН

ФРАНКО И ГИТЛЕР:

Испания, Германия и Вторая мировая война



ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 94
ББК 63 3(2)6 2
П97

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Василий Бывака.

Пейн, С.

П97 Франко и Гитлер: Испания, Германия и Вторая мировая война. — М.: Тотенбург, 2024. — 444 с.

Почему Испания не вступила во Вторую мировую войну на стороне «оси», после того как во время Гражданской войны Германия и Италия поддержали Франсиско Франко? В данной книге ведущего историка современной Испании и европейского фашизма Стэнли Пейна дается исчерпывающий ответ на этот вопрос. Пейн исследует весь спектр взаимоотношений Франко с Гитлером, начиная с 1936 года и заканчивая падением Рейха в 1945 году. Единственная личная встреча между диктаторами, состоявшаяся в 1940 году, где как раз обсуждался вопрос вступления Испании в войну, и последствия этой встречи описаны в работе Пейна с поразительными подробностями.

УДК 94
ББК 63 3(2)6 2

© Василий Бывака,
перевод с английского, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	4
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	10

ЧАСТЬ I. ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1. ИСТОКИ РЕЖИМА ФРАНКО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ.....	12
ГЛАВА 2. СТРАТЕГИЯ ГИТЛЕРА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ	44
ГЛАВА 3. ВОЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	65
ГЛАВА 4. СДЕРЖАННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ. 1939–1940	85

ЧАСТЬ II. «НЕВОЮЮЩАЯ СТОРОНА»

ГЛАВА 5. ИСКУШЕНИЕ ФРАНКО. МАЙ — СЕНТЯБРЬ 1940 ГОДА	110
ГЛАВА 6. ВСТРЕЧА В АНДАЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	157
ГЛАВА 7. ЗЕНИТ СОТРУДНИЧЕСТВА	204
ГЛАВА 8. ИСКУШЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	228
ГЛАВА 9. «ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ».....	258
ГЛАВА 10. ИСКУШЕНИЕ ОСЛАБЕВАЕТ	274
ГЛАВА 11. ИСКУШЕНИЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ.....	316

ЧАСТЬ III. БОРЬБА ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ КЛЕЙМА «ОСИ»

ГЛАВА 12. ИСПАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ХОЛОКОСТ	349
ГЛАВА 13. НЕЙТРАЛИТЕТ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ ...	385
ГЛАВА 14. КОНЕЦ ОТНОШЕНИЯМ	405

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Вопрос взаимоотношений Испании и Германии и их лидеров — Франко и Гитлера — в период Гражданской войны и во время Второй мировой войны достаточно подробно освещен в зарубежной историографии, однако в России он остается практически не изученным. Данная тема упоминается в некоторых исследованиях, посвященных личности Франсиско Франко и Гражданской войне в Испании, однако ей не посвящено ни одной отдельной работы. Книга крупнейшего специалиста по истории Испании Стэнли Пейна, которую читатель держит в руках, призвана восполнить этот пробел.

В данной работе С. Пейн использует множество документов — как немецких, так и испанских, — а также ссылается на обширную испаноязычную библиографию, обобщая выводы множества историков. Как и во всех своих работах, Пейн старается быть взвешенным и рассудительным и не давать событиям каких-либо эмоционально окрашенных оценок.

Если говорить о взглядах на Гражданскую войну в Испании и политику франкистской Испании в период Второй мировой войны, то иностранную литературу на эту тему можно разделить на два направления — леволиберальную и правую. Первое направление наиболее многочисленно, к нему в том числе относится известный историк Пол Престон (симпатизирующий коммунистам). Леволиберальная точка зрения на данный момент является доминирующей. Второе направление — это школа американского историка Стэнли Пейна, которого недоброжелатели называют «тенденциозным историком», поскольку он критически относится к существенной части левой испанской историографии, которая крайне однобоко оценивает период правления Франко.

По мнению Пейна, у новых испанских левых в XXI веке нет такой убедительной программы, которую имели старые левые в XX веке: антикварные социализм с коммунизмом больше не работают, но зато хорошо работает новая западная религия политкорректности, которая всегда становится на сторону жертв. Исходя из этого, испанские левые отчаянно пытаются использовать историю, которая позволяет им представлять себя в роли жертвы, а своих врагов — в роли преступников¹. Историю, таким образом, превращают в оружие.

Гражданскую войну в Испании левые часто характеризуют как антифашистскую, поскольку в ней так или иначе принимали участие Германия и Италия. Однако военный мятеж не являлся фашистским. Ведь в правой коалиции, выступившей против Республики, помимо Фаланги, принимали участие монархисты-карлисты, монархисты, близкие к христианско-демократическому направлению сторонники партии CEDA, участники различных католических организаций. Тем не менее такие формулировки упрощали левым вопрос об истоках мятежа, что позволяло, например, Советскому Союзу предстать в образе последовательного борца с фашистской угрозой. Это привело к тому, что советская пропаганда одержала победу в сопровождавшей Гражданскую войну в Испании идеологической войне. Реальность тем не менее была иной. Один из наиболее известных французских историков XX века Франсуа Фюре отмечал, что испанская ситуация не укладывалась в схему противостояния между фашизмом и антифашизмом, и говорил, что «благодаря вмешательству Гитлера и Муссолини, с одной стороны, и интербригад, мобилизованных Коминтерном, — с дру-

¹ Stanley, G. Payne desmitifica el relato republicano de la Guerra Civil en su nuevo libro [Электронный ресурс] URL: <https://www.libertaddigital.com/cultura/historia/2019-03-22/stanley-g-payne-la-revolucion-espanola-1936-1939-guerra-civil-historia-espana-falsifica-franco-segunda-republica-1276635256/> (дата обращения: 05.05.2024).

гой, гражданская война в Испании начинает говорить на языке двух тоталитарных идеологий»².

Последовавшее за гражданской войной сближение Франко с «осью», в представлении левых, подтверждает тезисы о фашистской сущности его режима. Это сближение, которое, по ряду причин, в итоге не привело к союзу, вытекало из логики сложившейся политической ситуации в Европе. При этом аналогичное сближение Советского Союза с Германией в 1939–1940 годах левые историки (особенно отечественные) предпочитают обходить стороной, а объяснить его пытаются... также сложившейся политической ситуацией и тем, что подобный шаг был вынужденным.

Левые историки часто акцентируют внимание на прогерманских настроениях в окружении Франко, цитируют прогерманские высказывания как самого каудильо, так и его приближенных, однако при этом стараются игнорировать прогерманские высказывания советских политиков, например, того же Вячеслава Молотова³. Действительно, прогерманские настроения в Испании были достаточно распространены в правых кругах, поскольку, во-первых, Германия помогала Испании в Гражданской войне, а во-вторых, испанская культура давно испытывала влияние немецкой культуры и философии. Например, большой популярностью в Испании пользовались работы представителей немецких консервативных течений. Так, влиятельные правые авторы и политики, включая Рамиро де Маэсту

² Фюре, Франсуа. Прошлое одной иллюзии. — М.: Ad Marginem, 1998. — С. 280.

³ В. Молотов в 1939 году утверждал, что «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны» и что «не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма». См. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года, журнал Пропагандист и агитатор РККА № 21, стр. 1–12, ноябрь 1939 г.

и Хосе Антонио Примо де Ривера, часто цитировали немецкого философа Освальда Шпенглера.

Обилие прогерманских заявлений Франсиско Франко и его сторонников вполне объяснимо. Во время Гражданской войны получение помощи от Германии и Италии было одной из важных задач Франко, а после начала европейской войны и побед Германии он полагал, что скоро в Европе установится «новый порядок», и это серьезным образом влияло на его политические решения и публичные заявления. Многих из них интерпретируют как фашистские (Стэнли Пейн называет режим Франко этого периода «полуфашистским»). Сам Франко тем не менее впоследствии заявлял, что никогда не был фашистом, а близость со странами «оси» объяснял стратегической необходимостью. Так, в разговоре со своим кузеном в марте 1965 года он говорил: «Ты прекрасно знаешь, я никогда не был фашистом, и мы никогда не сражались за победу этих идей. Я был другом Муссолини и Гитлера, потому что они помогали нам сражаться с коммунизмом»⁴. Франко действительно не был фашистом и всегда старался ограничить власть Фаланги.

Оказавшись между двух противоборствующих лагерей в период Второй мировой войны, Франко осуществлял политику лавирования, которая помогла ему воздержаться от участия в вооруженном конфликте. В одном из интервью, посвященном выходу как раз этой книги, Стэнли Пейн отметил: «Франко был умнее, и, хотя он так и не добился своих целей, он избежал худшей ошибки — вступления в войну. Его хитрость спасла его». Тем не менее нельзя отрицать того, что хотя Мадрид заявил о своем нейтралитете и неучастии в конфликте, его симпатии оставались на стороне

⁴ Franco Salgado Araujo, F. Mis conversaciones privadas con Franco. — Barcelona, 1976. — P. 443.

«оси», и это прекрасно продемонстрировано в работе Пейна. Франко хотел восстановить престиж Испании за рубежом, а затем построить империю на северо-западе Африки, и в этом ему мог помочь Гитлер. Расширить Испанию, воспользовавшись мощью Германии, — это было большое искушение для Франко, который мечтал о воссоздании Испанской империи. Впрочем, концепция совместного расширения территорий за счет нацистской Германии была искушением и для других европейских диктаторов того времени. Вступить в войну на стороне «оси» Франко был готов только на выгодных для Испании условиях — то есть если это принесло бы стране ощутимые блага.

Как отмечает историк Денис Креленко, перед началом Второй мировой войны Испания не являлась страной, удовлетворенной существующим положением вещей, поэтому в поисках геополитических предпочтений Франко намеревался примкнуть к создателям «нового порядка». По его мнению, двигал им не фашистский догматизм, а стремление с соблюдением всех предосторожностей погреть руки у пламени мирового пожара. Выбор диктовался простой аксиомой, согласно которой делить с Германией было нечего, а поводы для споров с итальянцами только предстояло создать⁵. Одной из приоритетных целей каудильо, безусловно, являлся британский Гибралтар, который уже давно находился в объекте внимания Франко.

Стэнли Пейн достаточно подробно исследует вопрос развивающихся взаимоотношений Франко и Гитлера с момента начала Гражданской войны и вплоть до окончания Второй мировой войны. Он отмечает, что диктаторы намеренно не обманывали друг друга отно-

⁵ См.: Креленко, Д. М. Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2022. — Т. 22, вып. 1. — С. 71–81. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

сительно того, чего они хотели от взаимоотношений двух стран. В центре исследования Пейна является загадка уникального положения Испании во время войны — почему Испания не вступила в войну в качестве союзника Германии, объединившись с Гитлером, чтобы захватить Гибралтар и закрыть Средиземное море для британского флота, является одной из центральных тем повествования Пейна.

Василий Бавыка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политика режима Франко во время Второй мировой войны и, в частности, его отношения с нацистской Германией, пожалуй, являются наиболее противоречивым аспектом долгой истории режима. Хотя ключевые испанские документы недоступны, в этой области было проведено много исследований, и их выводы очевидны. Однако, несмотря на обширную библиографию, нет ни одного исследования, в котором был бы обобщен весь спектр отношений между режимами Испании и Германии. Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел.

Она посвящена памяти Хавьера Туселла, ведущего историка испанской политики XX века прошлого поколения, преждевременная смерть которого лишила страну одного из величайших ученых и аналитиков. Туселл был автором основной книги по истории испанской дипломатии во время Второй мировой войны, и я в долгу перед его работой, о чем станет ясно на следующих страницах.

Кроме того, это исследование основывается на предыдущих исследованиях многих ученых, работавших в этой области, таких как Хаим Авни, Альфред Бош, Уэйн Боуэн, Чарльз Бердик, Карлос Кабальеро, Карлос Колладо Сейдель, Джеймс Кортада, Рафаэль Гарсия Перес, Дженовева Гарсия Кейпо де Льяно, Норман Года, Рафаэль Ибаньес Эрнандес, Джеральд Кляйнфельд, Кристиан Лейц, Хосе Мария Манрике Гарсия, Антонио Маркина Баррио, Пабло Мартин Асенья, Манфред Меркес, Лукас Молина Франко, Энрике Морадиллос, Виктор Моралес Лезкано, Ксавье Морено Хулиа, Густав Нерин, Глория Инес Ospina, Хесус Паласиос, Роза Пардо Санс, Пол Престон, Мануэль Рос

Агудо, Фернандо Росас, Бернд Ротер, Клаус-Йорг Рюль, Денис Смит, Льюис Тамбс, Антониу Хосе Тело, Жоан Мария Томас, Хосе Варела Ортега, Сесар Видаль, Анхель Виньяс, Роберт Уили и другие. Я также в долгу перед Феликсом Моралесом и Национальным фондом Франсиско Франко за возможность провести исследование в архиве Франко.

Рукопись была прочитана множеством выдающихся критиков — Хуаном Линцем, Джоном Лукачем и Майклом Сейдманом, которые улучшили ее и уберегли от ряда ошибок. Я благодарю их всех.

*Стэнли Пейн,
Мэдисон, Висконсин,
1 февраля 2007 г.*

ЧАСТЬ I

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1. ИСТОКИ РЕЖИМА ФРАНКО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ

Потрясения, произошедшие в Испании в 1930-е годы, которые быстро привели страну от демократии к революции и гражданской войне, поставили ее в центр мирового внимания. В 1931 году это была единственная европейская страна, которая установила новый демократический режим во время десятилетия Великой депрессии, когда половина государств Европы обратилась к той или иной форме авторитаризма. Иностранному гостю, наблюдавшему народное ликование в апреле 1931 года, было бы трудно поверить, что новый режим рухнет и приведет страну к жесточайшей гражданской войне всего через пять лет.

Оглядываясь назад, можно сказать, что демократический прорыв стал возможным благодаря ускоренному экономическому росту и модернизации, которые произошли в Испании в период между Первой мировой войной и 1930 годом — в отдельные годы темпы экономического роста были одними из самых высоких в мире. Такие социальные, экономические и культурные преобразования за столь короткий период были беспрецедентными в истории Испании, поскольку впервые доля активного населения, занятого сельским хозяйством, упала ниже 50 %. Этот ускоренный рост, однако, не привел к появлению в Испании развитого современного общества, а продвинул ее лишь к сере-

дине пути — самому опасному месту. К 1931 году эти преобразования вызвали революцию растущих ожиданий. Широко распространенная уверенность в том, что быстрое социальное и экономическое улучшение будет продолжаться бесконечно, была нереалистичной в разгар Великой депрессии, и ее политические последствия были взрывоопасными.

Демократия может породить столько же новых проблем, сколько и решить, и к 1934 году стало ясно, что новый режим открыл путь к революционному процессу, не имеющему аналогов нигде в мире. Классическая теория утверждает, что революционный рост не является результатом крайнего угнетения, а скорее обусловлен относительно быстрым улучшением условий в странах, где за заметными внутренними проблемами следует экономический спад или значительные новые разочарования, которые стимулируют революционную реакцию⁶.

Испания была уникальна тем, что «приютила» единственное в мире массовое анархо-синдикалистское движение, крупную социалистическую партию, которая все чаще обращалась к тому, что она называла *bolchevización* (большевизация), маленькую коммунистическую партию (КПИ), управляемую Коминтерном, крошечную оппозиционную «ленинскую» коммунистическую партию (ПОУМ) и множество радикальных сепаратистских движений. Три революционных восстания анархо-синдикалистов в период с января 1932 по декабрь 1933 года чередовались с неудавшимся военным

⁶ Алексис де Токвиль очень четко проследил этот процесс на примере пред-революционной Франции: «Таким образом, именно в тех частях Франции, где был достигнут наибольший прогресс, народное недовольство было самым высоким. Это может показаться нелогичным, но история полна парадоксов. Ведь не всегда революция происходит тогда, когда дела идут от плохого к худшему... Таким образом, социальный порядок, свергнутый революцией, почти всегда оказывается лучше предшествующего ему»: *The Old Regime and the French Revolution* (Garden City, N.Y., 1955), 176.

восстанием правых в 1932 году. Крупное социалистическое революционное восстание в октябре 1934 года вызвало все более интенсивную поляризацию между левыми и правыми. Потерпев неудачу при восстании, левые вернулись к избирательной тактике, и альянс «Новый народный фронт» одержал незначительную, но решающую победу на выборах в феврале 1936 года.

В течение следующих пяти месяцев развивалось то, что Габриэль Джексон и некоторые другие историки называли «предреволюционной ситуацией», крушением порядка и конституционного правления, не имеющего прецедента в европейской стране в мирное время. Испанский кризис сопровождался широкомасштабными забастовками, на которых часто выдвигались невыполнимые требования; значительным разрушением и сожжением церквей и другого имущества; масштабным незаконным захватом сельскохозяйственных земель, узаконенным постфактум; захватом церквей; произвольным закрытием католических школ; политизацией судов; и прогрессирующим искажением избирательного процесса и фальсификацией результатов выборов. Члены партий Народного фронта занимались преступной деятельностью относительно безнаказанно, а более мелкие правые организации постепенно объявлялись незаконными. Политическое насилие распространялось, и правительство иногда назначало боевиков социалистов и коммунистов вспомогательной полицией. Похищение и убийство самого ярого оппонента правительства в парламенте одним из этих смешанных отрядов послужило последним катализатором широкомасштабного военного восстания, поддержанного правыми добровольцами, 18 июля 1936 года⁷.

⁷ Политические потрясения Республики породили обширную литературу. Многочисленные ссылки можно найти в двух моих работах — *Spain's First Democracy: The Second Republic, 1931–1936* (Madison, 1993) and *The Collapse of the Spanish Republic, 1933–1936: Origins of the Civil War* (New Haven, 2006).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Последовавшая за этим гражданская война стала, вероятно, самым мифическим событием двадцатого века, которое чаще всего, хотя и неточно, описывается как противостояние демократии и фашизма. Здесь действительно был замешан фашизм, однако настоящей демократии не было ни с той, ни с другой стороны. Восстание было задумано как исключительно военное мероприятие с целью отстранения левых от власти и преобразования существующего режима в крайне правую республику, в которой демократия была бы серьезно урезана. Военные, однако, были почти так же разделены, как и остальная часть испанского общества. Вместо того чтобы осуществить государственный переворот, они в итоге контролировали немногим более половины армии страны, треть военно-воздушных сил и треть военно-морского флота и владели едва ли более чем третью территории Испании. Таковы были условия, сложившиеся в начале полномасштабной гражданской войны, однако поначалу силы повстанцев были настолько ограничены, что вскоре они могли потерпеть поражение, если бы не смогли получить ограниченную военную поддержку от Италии и Германии.

Левое республиканское правительство, находившееся в меньшинстве, прибегло к вооружению левых рабочих организаций, которое они называли «вооружением народа». Революционные ополчения, созданные этими организациями, оказались неэффективными в военном отношении, но они произвели взрывную народную революцию, не имевшую прецедентов в мировой истории. По этой причине несколько удивительно, что испанская революция 1936–1939 годов иногда практически игнорируется в сравнительной истории революций XX века. Произошло это по трем причинам: (а) испан-

ская революция вскоре потерпела полное поражение, а история предпочитает победителей; (б) и республиканцы, и Коминтерн отрицали реальность революции, чтобы избежать отторжения общественного мнения в капиталистических западных демократиях⁸; и (в) почти все крупные лево-коллективистские революции века были в основном однопартийными коммунистическими революциями, тогда как испанская революция была полуплуралистической, а крупнейшие революционные движения были анархо-синдикалистскими и социалистическими, а не коммунистическими.

Напротив, крайние революционные левые отстаивали свое дело как самую прямую и спонтанную рабочую революцию из всех, что когда-либо происходили, явно в большей степени, чем революция в России в 1917 году, в которой вскоре стала доминировать одна партия, которую поддерживала гораздо меньшая часть рабочих и которая мобилизовала гораздо меньшую часть сельского населения в новые революционные учреждения. Для марксистского сектора крайних революционных левых это была самая марксистская революция, более широко поддерживаемая настоящими рабочими, и все крайние революционные левые приветствовали свою революцию как начало новой эры в мировой истории.

Проблема заключалась в том, что в то время как однопартийный режим в России в конечном итоге доказал свою эффективность в ведении ожесточенной гражданской войны, то, что один историк называет «революционной республиканской конфедерацией», в Испании⁹ оказалось слишком дезорганизованным, чтобы быть эффективным. Поэтому когда 5 сентября 1936 года первое правительство Народного фронта,

⁸ Бернетт Боллотен назвал эту маскировку «грандиозным камуфляжем»: *The Grand Camouflage* (New York, 1961).

⁹ *The Grand Camouflage* (New York, 1961). 4. C. M. Rama, *La crisis española del siglo XX* (Mexico City, 1960)

представляющее все революционные группы, за исключением анархо-синдикалистов, вступило в свои полномочия под руководством лидера социалистов Франсиско Ларго Кабальеро, его задачей являлось восстановление эффективного управления и организация «народной армии» для ведения гражданской войны.

Новое правительство надеялось на поддержку со стороны демократических стран, таких как Великобритания и Франция, но многие иностранные наблюдатели были возмущены разрушительным революционным террором, в результате которого погибло около 55 000 человек (большинство из них в период с июля по декабрь 1936 года). Это был один из самых страшных прецедентов столетия, сопоставимый или даже превосходящий ту резню, что устроили правые оппоненты. События широко освещались в зарубежной прессе и оттолкнули от нового правительства значительную часть иностранного общественного мнения.

Британское правительство, в котором доминировали консерваторы, быстро приняло политику невмешательства, которой оно придерживалось на протяжении всего конфликта. Положение его союзника в Париже было иным, поскольку к власти во Франции недавно пришла коалиция Народного фронта, хотя и более умеренная, чем коалиция Испании. Однако и там консервативное мнение вскоре было мобилизовано и поляризовано испанским конфликтом. Леон Блюм, премьер-министр-социалист Франции, хотел поддержать испанских левых по крайней мере военной техникой, но на это предложение наложили вето его британские партнеры и даже его собственная правительственная коалиция, а также все консервативные партии.

По этой причине первоначальная поставка французского военного оборудования вскоре была отменена, и вместо этого французское правительство начало

продвигать соглашение между всеми европейскими державами о невмешательстве в войну в Испании. Политика невмешательства была направлена на то, чтобы отбить у Германии и Италии охоту поддерживать испанских повстанцев и, таким образом, позволить левым одержать победу в военной борьбе. В сентябре в Лондоне начал собираться официальный комитет по невмешательству, который продолжал свою работу на протяжении всей войны, в которой участвовали все три основные диктатуры — Германия, Италия и Советский Союз — которые тем не менее почти беспрепятственно осуществляли военное вмешательство. Британское правительство демонстрировало безразличие к исходу борьбы, до тех пор, пока Испания оставалась независимой и война не переросла в общеевропейский конфликт. Таким образом, цели британской политики были в значительной степени достигнуты ко времени окончания войны в 1939 году.

Реальная политика Франции была существенно иной и заключалась в том, что Блюм позже описал как «смягченное невмешательство», что подразумевало широкие формы помощи Республике, но не прямые продажи военной техники. Эта политика приняла форму предоставления широких финансовых и торговых возможностей, в обеспечении канала для добровольцев Интернациональных бригад и крупномасштабной перевалке советской и другой военной техники и в других второстепенных формах помощи. По меньшей мере дважды французское правительство и генеральный штаб рассматривали возможность ограниченного прямого военного вмешательства, но каждый раз принимали решение отказаться от него¹⁰.

¹⁰ О роли западноевропейских демократий и войне в Испании см.: Alpert, M. A. *New International History of the Spanish Civil War* (London, 1997); Moradiellos, E. *La perfidia de Albión: El gobierno británico y la guerra civil española* (Madrid, 1996) and *El refugio de Europa: Las dimensiones internacionales de la guerra civil española*

Единственной крупной державой, которая активно вмешалась в конфликт на стороне республиканцев, был Советский Союз, лидеры которого колебались в течение двух месяцев, прежде чем пойти на этот шаг. Хотя Советский Союз был единственной страной, сохранившей в Испании собственную политическую партию, политика Коминтерна заключалась в том, чтобы «управлять системой», используя полное доминирование левых в институтах для создания «нового типа» полностью левой республики, из которой все консервативные силы были бы устранены номинально законными средствами. Коминтерн даже пытался умерить пыл крайне левых революционеров, поскольку гражданская война внесла бы в уравнение неисчислимые новые элементы. Однако, как только началась Гражданская война, Сталин оказался под сильным давлением коммунистического мнения за рубежом, а также внутри Советского Союза, чтобы поддержать единственную активную рабочую революцию в мире.

Политика интервенции, на которую Сталин окончательно решил в середине сентября 1936 года, основывалась на нескольких факторах. Одним из них была готовность республиканского правительства использовать значительный золотой запас Испании — результат недавнего процветания Испании, четвертый или пятый по величине в мире — для оплаты советского оружия, что позволило коммунистическому режиму

(Barcelona, 2001); Farré, J. Avilés. *Pasión y farsa: Franceses y británicos ante la guerra civil española* (Madrid, 1994); Balfour, S. and Preston, P., eds., *Spain and the Great Powers in the Twentieth Century* (London, 1999); Buchanan, T. *Britain and the Spanish Civil War* (Cambridge, 1997); Casanova, M. *La diplomacia española durante la Guerra Civil* (Madrid, 1996); Leitz, C. and Dunthorn, D. J., eds., *Spain in an International Context, 1936–1959* (New York, 1999); Kleine-Ahlbrandt, W. L. *The Policy of Simmering: A Study of British Policy during the Spanish Civil War, 1936–1939* (The Hague, 1962); Martínez Parrilla, J. *Las fuerzas armadas francesas ante la guerra civil española (1936–1939)* (Madrid, 1987); Thomas, M. *Britain, France and Appeasement: Anglo-French Relations in the Popular Front Era* (Oxford, 1996); and Tusel, J. I et al., eds., *La política exterior de España en el siglo XX* (Madrid, 2000).

получать коммерческую прибыль от номинально революционной интервенции. Победа в Испании позволила бы Советскому Союзу впервые заявить о себе в юго-западной Европе. Последним важным фактором было поддержание Коминтерна и советской пропаганды, отрицающей реальность революции и даже советского вмешательства, при этом поддерживая знамя «демократического антифашизма». Таким образом, вмешательство могло бы позволить революционерам выиграть войну под усиливающейся коммунистической опекой, в то время как Франции и Великобритании ничто не помешало бы заключить соглашение о коллективной безопасности с Москвой. Это была сложная политика, противоречивая для постороннего взора, и в конечном итоге она провалилась по всем параметрам.

Значительное количество советской техники, включая самолеты и танки последних моделей, сопровождаемые сотнями советских военных советников и специализированного персонала, переломило ход Гражданской войны к ноябрю 1936 года, сделав возможной успешную оборону Мадрида и превратив конфликт в длительную войну на истощение. Коминтерн оказал помощь, мобилизовав ставшие вскоре знаменитыми Интернациональные бригады общей численностью около 42 000 иностранных добровольцев, большинство из которых были коммунистами. Муссолини и Гитлер ответили на сталинскую эскалацию еще большей эскалацией, что гарантировало продолжение боевых действий без разрешения конфликта в обозримой перспективе.

Гражданская война превратила Испанскую коммунистическую партию из небольшой маргинальной организации в серьезную силу. Помощь Советов и их акцент на военной организации и восстановлении государства позволили им играть все более гегемонистическую роль в республиканском правительстве и армии

во второй половине Гражданской войны. Они настаивали на том, чтобы направить революцию в нужное русло, уменьшив некоторые из ее крайних проявлений и отдав предпочтение государственной и военной власти, с целью достижения «нового типа» «народной республики», которую они ввели в Монголии в 1924 году. Коллективистская революция должна быть сокращена в пользу новой экономической политики советского образца, введенной Лениным в 1921 году, которая отказалась от коллективизации в пользу государственной национализации промышленных «командных высот», на время оставив большую часть собственности в частных руках¹¹.

Поразительной чертой Гражданской войны было то, что обе стороны провозгласили ее борьбой за национальную независимость. Повстанцы развили дискурс, настаивая на том, что восстание предотвратило вооруженный захват власти коммунистами (хотя на самом деле коммунисты предполагали подобное только в более отдаленном будущем, как ясно свидетельствовала их политика). Для Франко и его сторонников Гражданская война была спровоцирована Советским Союзом, который, как утверждалось, пытался установить прямой контроль над Испанией. Республиканцы, напротив, считали, что Гражданская война была развязана из-за нацистско-фашистского заговора, целью которого был захват Испании и который использовал военных повстанцев в качестве марионеток. Таким

¹¹ Советская интервенция и коммунистическая политика остаются самой спорной политической проблемой Гражданской войны. См.: Radosh, R., Habeck, M., and Sevostianov, G., eds. *Spain Betrayed: The Soviet Union in the Spanish Civil War* (New Haven, 2001); Elorza, A. and Bizcarrondo, M. *Queridos camaradas: La Internacional Comunista y España, 1919–1939* (Barcelona, 1999); Kowalsky, D. *La Unión Soviética y la guerra civil española: Una revisión crítica* (Barcelona, 2003); Payne, S. G. *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism* (New Haven, 2004); and Schauff, F. *Der verspielte Krieg: Sowjetunion, Kommunistische Internationale und spanischer Bürgerkrieg, 1936–1939* (Frankfurt am Main, 2004).

образом, обе стороны утверждали, что ведут национально-освободительную войну¹².

Последние двадцать один месяц войны стали периодом коммунистической (и советской) гегемонии, которая несколько усилилась в течение 1938 года. В республиканской зоне коммунисты объявили революционную республику военного времени народной республикой в соответствии с советской формулой и формулой Коминтерна. Впоследствии и националисты, с одной стороны, и крайне революционные левые — с другой, пришли к согласию только в одном: республика военного времени стала первой «народной республикой» советского образца, введенной в Восточной Европе после 1945 года.

Они преувеличивали. Республика военного времени действительно была своего рода народной республикой, левым революционным режимом, исключавшим все центристские и консервативные элементы, но это была полуплюралистическая, а не советская народная республика. Относительная коммунистическая гегемония в Испании — это вовсе не то же самое, что полное советское господство в Восточной Европе. В Испании Советы не могли полностью контролировать правительство, или навязать свою экономическую программу, или контролировать все аспекты вооруженных сил и полиции. Коммунистическая гегемония была относительной, а не абсолютной. По мере того как росла усталость от войны, росло недовольство попытками продолжать войну до тех пор, пока не разразится общеевропейская война. Росло ощущение, что советская политика заключалась в том, чтобы сражаться до последнего испанца, и к началу 1939 года коммунисты фактически оказались в политической изоляции.

¹² Babiano Mora, Cf. J. «España, 1936–1939: La segunda guerra de la independencia», *Historia* 16 17:190 (February 1992), 25–34.

В марте 1939 года военное восстание, поддержанное всеми другими левыми силами, захватило контроль над Мадридом и свергло существующее республиканское правительство, которому пришлось бежать из страны. Режим капитулировал в конце месяца.

ИСТОКИ РЕЖИМА ФРАНКО

В первые недели испанского конфликта обе стороны были радикализированы. В республиканской зоне разразилась полномасштабная революция, но повстанцы не смогли реализовать свой первоначальный план по созданию военного правительства для «исправления» Республики в направлении более правой, авторитарной системы из-за частичного провала восстания. Командиры повстанцев создали Хунту национальной обороны (повторяя формулировки, распространенные со времен Французской революции) в Бургосе 23 июля 1936 года как своего рода правительство военного комитета. Поскольку борьба переросла в интенсивную гражданскую войну самого жестокого рода и силы повстанцев предприняли попытку решительного наступления на Мадрид, хунта выбрала главнокомандующего. Был только один реальный кандидат: дивизионный генерал (генерал-майор) Франсиско Франко Баамонде, самая выдающаяся фигура в испанской армии.

Нельзя сказать, что Франко пользовался большой личной популярностью среди своих единомышленников, но он пользовался уважением и был признан самым выдающимся полководцем. Мануэль Асанья, президент Республики во время войны, в целом презирал всех испанских генералов, но пятью годами ранее, будучи военным министром, он проницательно заметил, что из них всех Франко был «единственным по-

настоящему опасным»¹³. Франко не был самым высокоинтеллектуальным, самым технически подкованным, самым симпатичным или самым правым политически, но в целом его считали самым способным полководцем и самым проницательным политиком и профессионалом — тем, кто наилучшим образом сочетал в себе самообладание, интеллект, политическую ловкость, военный опыт и способности, личное мужество и прежде всего исключительное качество командования¹⁴.

Франко не был испанским политическим генералом, поскольку большую часть своей карьеры избегал прямого участия в политике. Он завоевал свою репутацию благодаря необычайной храбрости и успешному руководству боевыми действиями в кровавых кампаниях в Марокко между 1913 и 1926 годами, где были убиты многие его сослуживцы-офицеры. Получив в 1926 году в возрасте 33 лет звание бригадного генерала, он стал самым молодым генералом мирного времени в любой европейской армии. Правый, католик и монархист по своим личным убеждениям, он, как и все остальные военные командиры Испании, не сделал ничего, чтобы воспротивиться падению монархии и установлению демократической Республики, которой он преданно служил до 1936 года, будучи назначен начальником генерального штаба в мае 1935 года. Свергнутый после возвращения к власти левых, Франко с самого начала был связан с военным заговором, но не проявлял особого желания полностью посвятить себя ему. Еще 12 июля он призывал отложить восстание, чтобы посмотреть, не улучшится ли ситуация, но в конце концов изменил свое мнение в течение двадца-

¹³ Manuel Azaña, diary entry for 13 Aug. 1931, in his *Obras completas* (Mexico City, 1964), 2:121.

¹⁴ Из многочисленных биографий Франко лучшей является: Preston, P. *Francisco: A Biography* (London, 1993); лучший профранкистский очерк — Cierva, R. de la, *Francisco: La historia* (Madrid, 2000).

ти четырех часов, полностью и твердо решив участвовать в восстании после похищения и убийства лидера монархистов Кальво Сотело. К тому времени осторожный Франко пришел к выводу, что ситуация ухудшилась настолько, что не бунтовать опаснее, чем бунтовать.

Он командовал ветеранами боевой элиты марокканского протектората, единственными боеспособными подразделениями в испанской армии. Нет никаких признаков того, что он не разделял первоначальную политическую схему, лежащую в основе восстания. В своей первой прокламации он ссылаясь на республиканскую конституцию, которая, по его словам, «всеми игнорируется, переживает полное затмение», обещая «братство, свободу и равенство». Даже в своем первом заявлении уже в качестве главы государства указывалось, что «Испания будет неконфессиональным государством»¹⁵, хотя эта формулировка быстро стала более двусмысленной после протеста Церкви. Во время пребывания на посту главы Африканской армии, которой было поручено наступление на Мадрид, он заверил корреспондента лиссабонской газеты *O Século*, что «новый режим будет республиканским», что «движение является исключительно военным» и что «я сторонник коротких диктатур», так что новое военное правительство продержится ровно столько, чтобы выполнить свои основные задачи¹⁶.

Лидерство Франко сыграло решающую роль в первые недели восстания. Он командовал единственной военной силой, способной выиграть войну, а также именно он наладил контакты с Гитлером и Муссолини,

¹⁵ Цитируется в: Palacios, J. *La España totalitaria: Las raíces del franquismo, 1934–1946* (Barcelona, 1999), 17–19, 41, 71. Прокламация была впервые опубликована в Лас-Пальмасе (Гран-Канария) 21 июля 1936 года и впоследствии многократно воспроизводилась. Впервые опубликовано на испанском языке в книге *Ideario del Generalísimo*, изд. J. García Mercadal (Zaragoza, 1937), 42–43.

¹⁶ First published in Spanish in *Ideario del Generalísimo*, ed. J. García Mercadal (Zaragoza, 1937), 42–43.

заручившись их поддержкой. Поэтому когда его войска начали то, что, как надеялись повстанцы, станет решающим наступлением на Мадрид, его имя было единственным, прозвучавшим на встрече хунты под Саламанкой 21 сентября, где выбирали главнокомандующего. Вопрос был поставлен прежде всего командирами-монархистами, которые считали, что Франко был генералом, который может восстановить монархию, а также рядом личных сторонников, которые считали его лидерство необходимым для победы.

К тому времени политические идеи самого Франко становились все более радикальными. В качестве возможной модели режима в какой-то момент он публично упомянул *Estado Novo* (Новое государство) в соседней Португалии, полукорпоративную правую и авторитарную республику, которая объединила институты номинально избираемой ассамблеи и корпоративной экономической палаты, но после того, как он стал главой государства, такая альтернатива показалась ему слишком либеральной. Сомнительно, что Франко когда-либо читал реакционного теоретика начала XIX века Жозефа де Местра, однако, похоже, он быстро усвоил функциональный эквивалент сентенции Местра о том, что «контрреволюция является не противоположной революцией, но противоположностью революции»¹⁷. Требовалось что-то более оригинальное, радикальное и авторитарное.

Франко настолько долго правил Испанией, а его режим пережил столько этапов и изменений, что иногда утверждалось, будто у него практически не было политических убеждений, а те, что были, он менял в зависимости от обстоятельств. На самом деле с 1920-х

¹⁷ Сам Местр не был сторонником такой крайней формы контрреволюции, но предпочитал вернуться к старому режиму, насколько это было возможно. См.: Lebrun, R. A. ed. Joseph de Maistre's Life, Thought, and Influence: Selected Studies (Montreal, 2001).

годов и до конца своей жизни Франко твердо придерживался ряда фундаментальных убеждений, основные приоритеты и ценности которых практически не претерпели изменений. Он верил в испанский национализм и единство, управляемые авторитарной политической системой. Он был верующим католиком очень традиционного толка и стремился восстановить традиционную католическую культуру. Во внешней политике он придерживался империалистических взглядов, считая, что важно сохранить то немногое, что осталось от Испанской империи, и расширить ее по мере того, как позволяли обстоятельства. Во внутренних делах он хотел сохранить относительно традиционную социальную структуру, хотя и признавал необходимость расширения среднего класса и создания более технически развитого общества, стрессы которого должны быть смягчены современным экономическим развитием. В экономике Франко решительно выступал за националистический и корпоративный режим, направленный на развитие промышленности и технологий, даже при сохранении в значительной степени традиционной культурной и социальной системы.

В свое время эти цели могли быть достигнуты при монархическом режиме или правой корпоративной республике, но в отчаянных условиях революционной гражданской войны Франко вскоре пришел к выводу (на который оказали влияние и поощряли итальянцы), что необходимо нечто подобное итальянской фашистской модели. К зиме 1937 года, если не раньше, он решил, что только радикально новая система может спасти то, что осталось от старого порядка, и построить новую сильную Испанию. Франко усвоил более ранние рассуждения о необходимости «железного хирурга» и был впечатлен диктатурой Мигеля Примо де Риверы (1923–1930), но в равной степени был обеспокоен тем, что, по его мнению, было ошибкой Примо де Риве-

ры — поддержанием «пустой диктатуры» без ясной цели и полностью сформулированной новой системы.

Главным помощником в новом политическом предприятии стал его шурин Рамон Серрано Суньер, который когда-то был лидером главной католической партии CEDA (Испанская конфедерация автономных правых). Серрано был близким другом Хосе Антонио Примо де Риверы, старшего сына бывшего диктатора и основателя фашистской партии «Испанская Фаланга». Находясь в мадридской тюрьме во время «красного террора», в результате которого погибли два его брата, Серрано не раз выступал с резкими осуждениями Франко и военных за то, что они так медленно действовали против левых. В феврале Серрано удалось бежать из республиканской зоны и сразу же обосноваться в штаб-квартире своего шурина, где они быстро пришли к согласию в политических вопросах. Франко и Серрано вскоре сошлись во мнении о необходимости создания совершенно новой политической системы, основанной на единой национальной партии.

Доминирующим мотивом стал национализм, который в Испании был слабее, чем в любой другой европейской стране, из-за слабости государства, силы церкви, медленных темпов социальных и культурных изменений в течение XIX века и отсутствия международного соперничества, войны или угрозы. Однако все правые группы в той или иной степени придерживались националистических взглядов в ответ на Республику, и с самого начала конфликта повстанцы ссылались прежде всего на испанский патриотизм в борьбе с «международной» революцией. В начале конфликта, который иностранные наблюдатели называли борьбой белых против красных революционеров, следуя терминологии гражданской войны в России, повстанцы регулярно называли своих врагов фашистами, но вскоре представились как *Nacionales* («национальные»), или

националисты. Этот термин использовался в испанской историографии на протяжении многих лет.

В апреле 1937 года Франко неожиданно объединил фалангистов, ставших теперь очень многочисленными, с традиционалистами-карлистами и другими правыми группами, чтобы сформировать новую государственную партию, Испанскую Традиционалистскую Фалангу (ИТФ). Двадцать шесть пунктов Фаланги, в некоторой степени основанные на итальянском фашизме, были приняты в качестве официальной программы государственной партии и, как следствие, самого нового государства. Среди прочего, они теоретически обязывали зарождающийся режим Франко осуществить «национальную синдикалистскую революцию» — так фалангисты называли нечто похожее на итальянский фашистский корпоративизм в более радикальной форме. Однако, хотя Франко и был настроен на преобразование испанской экономики с помощью авторитарной и корпоративной политики, точную форму режима определял он сам и его ближайшие соратники, а не фалангисты.

Объявляя о создании новой государственной партии, Франко заявил, что это скорее начало, чем конец, что ее программа не фиксирована, а будет дополнена или изменена, если это потребуется в будущем. Это был пророческий прогноз прагматичного поведения, которое он будет демонстрировать в течение следующих четырех десятилетий. Различные правые партии предусмотрительно самораспустились. Всем их членам, а также всем остальным испанским патриотам, независимо от их происхождения (левым, правым или центристам), было предложено вступить в новую партию¹⁸.

¹⁸ Лучшее исследование о Франко и истоках режима в период гражданской войны — Tusell, J. *Franco en la guerra civil* (Barcelona, 1992). See also Preston, *Franco*, 120–322; Payne, S. G. *The Franco Regime, 1936–1975* (Madison, 1987), 87–228; Campos, I. *Saz. Fascismo y franquismo* (Valencia, 2004), 79–150; and

Идеологический фашизм первоначальной Фаланги всегда дополнялся акцентом на культурный и религиозный традиционализм, что влекло за собой неразрешимые противоречия. С самого начала партия была официально католической, хотя и слегка антиклерикальной, и свято чтит традиционное ультракатолическое культурное наследие Золотого века Испании. Это наследие придавало Фаланге более правый уклон, чем это было характерно для революционных фашистских движений, и влияние крайне правых в ИТФ стало еще более заметным. Этот крен вправо был мало чем обязан карлистам, которые вскоре все больше и больше выходили от новой партии, оставляя ее в основном в руках ветеранов-фалангистов (*camisas viejas*, или «старорубашечники», «старые рубашки»). Это имело гораздо большее отношение к культуре и политике самого режима Франко.

Поначалу военные лидеры повстанцев отстаивали идею отделения церкви от государства, но насильственная революция (которой они косвенно способствовали) в республиканской зоне привела к самым масштабным и жестоким преследованиям католицизма в истории Запада, в некоторых отношениях даже более интенсивным, чем во времена Французской революции. Особенно яростными они были в первые месяцы Гражданской войны, в ходе которой были убиты около 7000 священнослужителей и многие тысячи католиков-мирян. По этой причине католики массово присоеди-

Tusell, J. et al., eds., *El régimen de Franco (1936–1975)*, 2 vols. (Madrid, 1993). О ИТФ см.: Thomàs, J. M. *Lo que fue la Falange* (Barcelona, 1999) and *La Falange de Franco: Fascismo y fascistización en el régimen de Franco, 1937–1945* (Barcelona, 2001), 15–167; Rodríguez Jiménez, J. L. *Historia de Falange Española de las JONS* (Madrid, 2000), 229–333; and Payne, S. G. *Fascism in Spain, 1923–1977* (Madison, 1999), 239–309. Orella, J. L. *La formación del Estado nacional durante la Guerra Civil española* (Madrid, 2001). Всю обширную библиографию, посвященную фалангизму, можно найти в книге J. Díaz Nieva and E. Uribe Lacalle, eds., *El yugo y las letras: Bibliografía de, desde y sobre el nacionalsindicalismo* (Madrid, 2005).

нялись к националистам в еще большей степени, чем ожидалось, оставшись без какой-либо альтернативы. Уже через два месяца епископ Саламанки Энрике Плаи-Дениэль заявил, что это движение было не просто восстанием или гражданской войной, а «священным крестовым походом». Военные лидеры ответили ему тем же, и вскоре их дело стало тесно отождествляться с католицизмом. Вскоре войска Франко стали массово участвовать в полевых мессах под открытым небом. В конечном итоге *La Cruzada* («Крестовый поход») стал официальным синонимом всего военного движения. Именно католицизм, а не фашизм, стал главной эмоциональной, психологической и даже в какой-то степени идеологической опорой националистов, значительно повысив их моральный и боевой дух. Более того, характер Гражданской войны вовсе не соответствовал либеральной или модернистской религиозности XX века, а был присущ неотрадиционалистскому католицизму. Иногда казалось, что националистическая зона, или, по крайней мере, отдельные ее части, охватывает неотрадиционалистское возрождение, которое затрагивает всю культуру и нравы — даже если последствия были больше иллюзорными, чем реальными. Подобного неотрадиционалистского возрождения не было ни в одной другой католической стране современности, да и вообще ни в одной христианской стране в предшествующем столетии. В конечном итоге оно стало христианским аналогом исламского неотрадиционалистского возрождения на Ближнем Востоке¹⁹.

¹⁹ Роль католицизма рассматривается в работах: Sánchez, J. M. *The Spanish Civil War as a Religious Tragedy* (Notre Dame, 1987); Bolado, A. Alvarez. *Para ganar la guerra, para ganar la paz: Iglesia y guerra civil, 1936–1939* (Madrid, 1995); Redondo, G. *La Guerra Civil (1936– 1939)*, vol. 2 of his *Historia de la Iglesia en España, 1931–1939* (Madrid, 1993); Raguer, H. *La pólvora y el incienso: La Iglesia y la guerra civil española*; Tello, J. A. *Ideología política: La Iglesia católica española, 1936–1959* (Zaragoza, 1984); and Aisa, M. L. Rodríguez. *El cardenal Gomá y la guerra de España* (Madrid, 1981). О конфликтах внутри режима см.: Ferrari, A. El

Руководство Франко во время Гражданской войны было успешным по всем четырем ключевым направлениям: военное дело, международная дипломатия, внутренняя политика и экономическая поддержка, хотя последняя оставалась в руках небольшого круга экспертов. Его большим политическим достижением было сохранение единства среди различных правых и даже правоцентристских политических сил, поддерживающих Национальную Испанию и успех в запрете внутренней политической деятельности на время конфликта. Таким образом, он гарантировал, что его собственные военные усилия не будут ослаблены ничем из того, что происходило в республиканской зоне, в которой сохранялись серьезные внутренние разногласия. Внутри партии было много недовольства тем, как Франко захватил власть, но очень мало открытого инакомыслия. Более 200 членов партии были арестованы в апреле и мае за то, что они считали обструкционистской деятельностью, но этим возмездие и ограничилось.

Политическая деятельность была, по существу, ограничена ИТФ, которая стала подразделением нового государства. Она не руководила государством и не управляла им, как Коммунистическая партия в Советском Союзе, а скорее служила его инструментом, как в фашистской Италии. На начальном этапе ее роль сводилась к искренней поддержке военных действий и пропаганде новой системы, несмотря на то что она стала крупнейшей организацией в истории Испании, насчитывавшей 932 000 членов. Вскоре ее Женская секция²⁰ насчитывала 580 000 женщин, что также стало рекордом Испании, и занималась оказанием широких социальных и медицинских услуг. Ограниченность этой, каза-

franquismo: Minorías políticas y conflictos ideológicos, 1936–1956 (Pamplona, 1993); Andrés-Gallego, J. ¿Fascismo o Estado católico? Ideología, religión y censura en la España de Franco, 1937–1941 (Madrid, 1997);

²⁰ Она занималась воспитанием девушек в патриотическом духе. — *Прим. пер.*

лось бы, впечатляющей мобилизации тем не менее раскрывается статистикой молодежных групп партии, в которых в разное время состояло более 18 % мальчиков и 9 % девочек в возрасте от 7 до 18 лет, по сравнению с 65 и 44 %, соответственно, в фашистской Италии²¹.

Фалангистам также было поручено разработать систему национальных профсоюзов для рабочих, но за время войны было сделано сравнительно немного. В 1938 году была разработана *Fuero de Trabajo*, или Хартия Труда, основанная на смеси итальянской фашистской *Carta del Lavoro* (Хартии труда 1927 года) и католических социальных норм, которая должна была служить руководством для рабочих. Хартия труда объявила испанское государство «тоталитарным орудием, защищающим целостность Родины», провозглашая в конечном итоге создание «единого и вертикального» профсоюза, который подчинит все «отрасли производства иерархическому руководству государства». Эти формулировки были более жесткими, чем в оригинальной итальянской хартии²².

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Франко узаконил свое правление с юридической точки зрения, приняв закон о правительстве, обнародованный 30 января 1938 года. В нем провозглашалось, что «глава государства обладает верховной властью диктовать юридические нормы общего характера», а также предусматривалось, что должность председа-

²¹ Chueca, R. El fascismo en los comienzos del régimen de Franco: Un estudio sobre FETJONS (Madrid, 1983), 311, and J. J. Linz, «From Falange to Movimiento-Organización», in *Authoritarian Politics in Modern Society*, ed. S. P. Huntington and C. H. Moore (New Haven, 1970), 167.

²² О создании синдикальной системы см.: Aparicio, M. A. El sindicalismo vertical y la formación del Estado franquista (Barcelona, 1980).

ля правительства (премьер-министра) «объединяется с должностью главы государства». Таким образом, Франко наделил себя полномочиями управлять лично и напрямую. Первоначальная Техническая хунта на следующий день уступила место первому регулярному кабинету Франко, состоящему из глав правительственных министерств. Из одиннадцати постов три достались генералам-ветеранам, два — монархистам, один — карлистам, два — относительно аполитичным техническим экспертам, и только три — фалангистам. Среди последних, однако, был Серрано Суньер, который стал министром внутренних дел и главным надзирателем за прессой и пропагандой в качестве национального делегата по прессе и пропаганде ИТФ в то время как только один из фалангистов был «старорубашечником». 22 апреля 1938 года Серрано ввел новый строгий закон о печати и цензуре с жесткой системой контроля и предварительной цензурой. Пропаганда и цензура были на тот момент наиболее важными официальными обязанностями государственной партии²³.

Это первое регулярное правительство показало, как ловко Франко манипулировал теми, кого позже назовут различными политическими «семьями», поддерживавшими его режим. Хотя в первые годы существования новой системы он и его представители регулярно

²³ На испанском языке существует обширная литература, посвященная режиму Франко. Почти все многотомные истории Испании уделяют ему значительное место, наиболее обширная из них — Carr, R., ed. *La época de Franco* (1939–1975), vol. 41 of *Historia de España*, ed. R. Menéndez Pidal and J. M. Jover (Madrid, 1996). Отдельные однотомные исследования включают мои *The Franco Regime, 1936–1975* (Madrid, 1987); Moreno, R. Fonseret and F. Sevillano Calero, eds., *El franquismo: Visiones y balances* (Alicante, 1999); Valverde, J. Zafra. *El sistema político en las décadas Franco* (Madrid, 2004), и другие. В книге A. Cazorla Sánchez, *Las políticas de la victoria: La consolidación del Nuevo Estado franquista* (1938–1953) (Madrid, 2000) рассматривается консолидация режима в его отношении к обществу. Кроме того, многие специализированные издания посвящены основам франкизма, как обычно называют первую общую фазу режима, особенно в форме региональных и провинциальных исследований, слишком многочисленных, чтобы их можно было здесь привести.

использовали термин «тоталитарный», он утверждал, что тоталитаризм был не современным изобретением, а чем-то характерным для первой объединенной монархии Испании в XV веке. Под словом «тоталитарный» он просто подразумевал единое и авторитарное правительство. (Один из ведущих политических комментаторов националистов отмечал, что только советский режим, владеющий собственной экономикой и контролирующий все учреждения, может считаться полностью тоталитарным в прямом смысле слова). Франко прекрасно понимал, что возглавляет широкую правую коалицию, и поэтому старался обеспечить разное представительство монархистов, карлистов, армейских офицеров, бывших боевиков католической CEDA, а также фалангистов. К этому списку можно добавить более мелкие подсемейства, такие как представители баскской и каталонской буржуазии, особенно в первые годы правления режима.

Экономическое управление нового государства было достаточно успешным, пока длилась Гражданская война. Оно ориентировалось на максимальное стимулирование существующей экономической структуры в условиях жесткого государственного регулирования, по крайней мере в ключевых отраслях, поддержание полной занятости, высокого уровня производства продовольствия и восстановление производства в промышленных зонах по мере их постепенного завоевания. Там было изобилие продовольствия, что особенно примечательно по сравнению с растущим дефицитом в зоне противостояния; достаточный запас других ресурсов; солидный государственный кредит, несмотря на полное отсутствие золотых резервов; и относительно стабильная валюта. Экономическое управление нацио-

налистов выглядело особенно успешным на фоне растущего беспорядка в республиканской зоне²⁴.

Франко называли «каудильо», ближайший испанский эквивалент Фюрера или Дуче, и развивали культ личности. Скандирование «Франко, Франко, Франко» было переделано из «Дуче, Дуче, Дуче», и развитие конфликта привело к появлению политического стиля, становящегося все более фашистским²⁵, с акцентом на личной харизме каудильо, хотя это была харизма достижений, а не личности. Термин «фашист» был спонтанно принят в некоторых частях националистической зоны в начале Гражданской войны, хотя Франко официально отрицал в интервью иностранным журналистам, что Фалангу следует считать фашистской, признавая лишь то, что некоторые ее отдельные члены были таковыми. Неоспоримым фактом было растущее проявление фашистского стиля в политике и усиливающееся политическое «головокружение от фашизма», хотя режим был эклектичным по своему составу и происхождению, а в культурном и духовном плане в той же или даже большей степени зависел от католицизма. Его внешняя политика была ориентирована на державы «оси», которые помогли ему одержать победу, но он завоевал благодарные британского правительства и значительной части политиков во Франции, которые приняли его как независимый контрреволюционный испанский режим, политика которого останется испанской и независимой.

Хотя в течение 1938 года войска Франко несколько поределели из-за тяжелых боев и истощения, ему

²⁴ Экономическая история Гражданской войны изучена гораздо меньше, чем другие аспекты. Хорошее введение можно найти в книге J. A. Sánchez Asíaín, *Economía y finanzas en la Guerra Civil española (1936–1939)* (Madrid, 1999), хотя P. Martín Aceña and E. Martínez Ruiz, eds., *La economía de la guerra civil* (Madrid, 2006), дают более широкий охват.

²⁵ Публичное выражение аспектов этого нового стиля рассматривается в G. di Febo, *Ritos de guerra y de victoria en la España franquista* (Bilbao, 2002).

удалось сохранить эффективную линию снабжения Италии и Германии и сохранить превосходство своей армии. Он удерживал военную инициативу, время от времени терпел временные локальные поражения, одерживая при этом крупный триумф за крупным триумфом и смог объявить о полной и безоговорочной победе 1 апреля 1939 года.

Теперь он обладал большей властью, чем любой предыдущий правитель Испании. Более того, в 1939 году не более половины населения Испании поддерживала военные усилия националистов, а вторая была склонна пассивно принять правление Франко, учитывая массовый голод, усталость и разочарование республиканцев. Самый выдающийся испанский интеллигент второй половины века Хулиан Мариас, который в 1939 году был молодым республиканцем, позже описал чувства большинства своих соратников-республиканцев в следующих выражениях:

«В республиканской зоне к усталости добавилось глубокое разочарование. Люди чувствовали, что их лидеры обманывают их, манипулируют ими и эксплуатируют их... Побежденные знали, что потерпели поражение, и большинство из них приняли это с достоинством и покорностью; многие думали — или смутно ощущали, — что они заслужили поражение, хотя это не означало, что другая сторона заслужила победу»²⁶.

Такая позиция многих бывших республиканцев могла бы дать Франко замечательную возможность

²⁶ J. Marías, *Ser español: Ideas y creencias en el mundo hispánico* (Barcelona, 2000), 264. Мариас добавляет: «The justly defeated; the unjustly victorious (Справедливо побежденный; несправедливо победивший). Эта формула, которую я сформулировал много лет спустя, в шести словах резюмирует мое окончательное мнение о Гражданской войне. Я полагаю, что формула могла бы выразить чувства тех, кто поддерживал Республику». В этой связи следует помнить, что сам Мариас после окончания гражданской войны на короткое время попал в тюрьму режима и в течение многих лет подвергался преследованиям, о чем он рассказывает в главе 17 своей книги *Una vida presente: Memorias*, vol. 1 (Madrid, 1988).

сформировать новый позитивный национальный консенсус, но это не входило в его планы.

Ликвидация наследия Гражданской войны подразумевала жесткую политику репрессий, направленную на наказание большого числа побежденных. Многие из них совершили преступления против мирного населения, поскольку число, равное 120 000 погибших военнослужащих (с обеих сторон в ходе боевых действий, не считая многочисленных жертв среди иностранных участников), примерно равнялось количеству людей, убитых в результате репрессий в обеих зонах²⁷. Республиканцы казнили примерно 55 000 человек, а националисты — гораздо больше. К ответственности было привлечено очень много виновных, но преследованию подверглись только бывшие республиканцы, к тому же большинство объектов репрессий были осуждены за политическую деятельность, а не за преступления, связанные с насилием.

Период самых жестоких репрессий пришелся на 1939–1941 годы, когда наиболее серьезные дела рассматривались военными трибуналами в соответствии с условиями военного положения, которое было отменено только в 1948 году. Более 75 % всех послевоенных казней были совершены в течение этих двух лет. В общей сложности было вынесено не менее 50 000 смертных приговоров, но уже в марте 1937 года Франко решил смягчить примерно половину таких приговоров, так что общее число послевоенных казней, по-видимому, составило около 28–30 тысяч²⁸. В этом

²⁷ Окончательных общих исследований репрессий во время гражданской войны нет, но см. R. Salas Larrazábal, *Pérdidas de la guerra* (Barcelona, 1977); S. Juliá, ed., *Víctimas de la guerra civil* (Madrid, 1999); and A. D. Martín Rubio, *Los mitos de la represión en la guerra civil* (Madrid, 2005).

²⁸ Наиболее достоверными являются исследования Юлиуса Руиса «A Spanish Genocide? Reflections on the Francoist Repression after the Spanish Civil War», *Contemporary European History* 14: 2 (2005), и *Franco's Justice: Repression in Madrid*

отношении начало режима Франко было, как это ни парадоксально, похоже на начало коммунистических режимов в России и Югославии, а не на первые и более мягкие этапы фашистского правления в Италии и нацистского режима в Германии. Франко и его военные соратники пошли по более типичному для коммунистов пути государственного переворота, масштабных военных действий, гражданской войны и репрессий. И наоборот, испанский коммунизм следовал фашистской тактике прихода к власти через политический союз, хотя революционная Республика в Испании была гораздо более репрессивной, чем первый период фашистского и нацистского правления.

Историки говорили о «кумулятивной радикализации» геноцида армян и Холокоста, которые с течением времени становились все более смертоносными. Иначе обстояло дело в Испании, где обе стороны Гражданской войны предприняли шаги, чтобы смягчить массовые убийства первых месяцев, и менее чем через год после окончания войны Франко двинулся в том же направлении. 24 января 1940 года он учредил новые централизованные военно-юридические комиссии для надзора и пересмотра всех приговоров, наделенные полномочиями либо подтверждать, либо сокращать их, но никогда не продлевать. Первые ограниченные амнистии для заключенных с более мягким сроком наказания были объявлены осенью 1939 года, а затем последовала длительная череда таких мер, начиная с июня 1940 года. Численность заключенных, составлявшая 270 519 человек на конец 1939 года, таким образом, пять лет спустя сократилась до 54 072 человека и с тех пор продолжала неуклонно сокращаться²⁹.

after the Spanish Civil War (Oxford, 2005). Руис утверждает, что общее число казней было больше, но не приводит убедительных данных, подтверждающих это.

²⁹ Примерно с 2000 года начал появляться большой объем новых исследований и работ, посвященных франкистским репрессиям, особенно после окончания

Политика репрессий была очень широкой, гораздо более масштабной, чем судебное преследование отдельных лиц, поскольку она включала строгую цензуру и чистку педагогических и других государственных кадров. Все десятилетие 1940-х годов было временем жестких репрессий в Испании³⁰.

После Гражданской войны Франко и большинство его подчиненных были твердо убеждены, что новый европейский порядок неуклонно движется к национальным «органическим» авторитарным режимам. Он продолжал управлять своим правительством так, как будто это была армия, руководствуясь *leyes de prerrogativa* — личными указами, издаваемыми главой государства. Закон главы государства, опубликованный 9 августа 1939 года, расширил полномочия, первоначально определенные указом от 29 января 1938 года. В нем объявлялось, что «полномочия правительства на постоянной основе передаются» Франко, кото-

Гражданской войны, а также меньший объем новых работ, посвященных республиканским репрессиям. Некоторые из наиболее известных: «La represión bajo el franquismo», Ayer 43 (2001), and «Los campos de concentración franquistas en el contexto europeo», Ayer 57 (2005); M. Armengou and R. Belis, Las fosas del silencio: ¿Hay un Holocausto español? (Barcelona, 2004); J. Casanova et al., Morir, matar, sobrevivir: La violencia en la dictadura de Franco (Barcelona, 2002); I. Lafuente, Esclavos por la patria: La explotación de los presos bajo el franquismo (Madrid, 2001); M. Núñez Díaz-Balart, Los años del terror: La estrategia de dominio y represión del general Franco (Madrid, 2004); M. Núñez Díaz-Balart and A. Rojas Friend, Consejos de guerra: Los fusilamientos en el Madrid de la postguerra (1939–1945) (Madrid, 1997); J. Rodrigo, Los campos de concentración franquistas (Madrid, 2003); F. Sevillano Calero, Exterminio: El terror con Franco (Madrid, 2004); E. Silva and S. Macías, Las fosas de Franco (Madrid, 2003); and E. Silva et al., eds., La memoria de los olvidados: Un debate sobre el silencio de la represión franquista (Valladolid, 2004).

³⁰ О политике репрессий см.: Richards, M. A Time of Silence: Civil War and the Culture of Repression in Franco's Spain, 1936–1945 (Cambridge, 1998). О цензуре и кадровых чистках см.: Sinova, J. La censura de prensa durante el franquismo (Madrid, 1989); Valero, F. Morente. La depuración del Magisterio Nacional (1936–1943) (Madrid, 2000); Mayordomo, A. and Soria, J. M. Fernández. Vencer y convencer: Educación y política: España, 1936–1945 (Valencia, 1993); Sandalinas, R. Navarro. La enseñanza primaria durante el franquismo (1936–1975) (Barcelona, 1990); and Táboas, M. Lanero. Una milicia de la justicia: La política judicial del franquismo (1936–1945) (Madrid, 1996).

рый был освобожден от необходимости представлять новые законы или декреты своему кабинету министров, когда «этого требуют неотложные проблемы»³¹. Пересмотренный устав ИТФ, опубликованный несколькими днями позднее, еще больше усилил его контроль над партией. Новое испанское государство на самом деле не было таким тоталитарным, как оно утверждало, поскольку допускало ограниченный полуплюрализм, но с формально юридической точки зрения это была самая бескомпромиссная личная диктатура в Европе.

Франко полностью реорганизовал свой кабинет 8 августа 1939 года, накануне войны в Европе. Единственным важным министром, которого удалось сохранить, был Серрано Суньер. Фалангистам было предоставлено пять должностей, на три больше, чем в предыдущем правительстве, что отражает попытку приблизиться, по крайней мере символически, к новой фашистской эре, которая, казалось, наступала. Однако все трое фалангистов на самом деле были военными. Таким образом, хотя некоторые поначалу окрестили это правительство фалангистским, оно, очевидно, таковым не являлось, а стало очередным этапом того, что вскоре будет рассматриваться как регулярное балансирование Франко между различными политическими семьями, поддерживающими его режим.

Главным источником власти по-прежнему оставались военные, хотя офицеры не имели собственной корпоративной автономии. Франко предусмотрительно отдал многие новые командования и государственные посты молодым командирам, поднявшимся вместе с ним во время Гражданской войны, а не старым, более умеренным или консервативным генералам, которые привели его к власти. Впервые в истории Испании он назначил по министру для каждого из трех родов

³¹ Tamames, R. *La República: La era de Franco* (Madrid, 1973), 498.

войск, отобранных по принципу лояльности. Он опирался на военных больше, чем на кого-либо другого, и на протяжении всего первого этапа его режима вплоть до окончания Второй мировой войны в 1945 году военные занимали 45,9 % министерских назначений и 36,8 % всех высших государственных постов, сосредоточенных в основном в министерствах вооруженных сил, министерстве внутренних дел, которое занималось вопросами безопасности, и, до середины 1944 года, в министерстве иностранных дел. Фалангисты, для сравнения, получили 37,9 % министерских назначений и только 30,3 % всех высших административных должностей, сосредоточенных в партийной администрации, в сфере труда и сельского хозяйства³².

Военные считали себя истинной элитой новой системы. Во время официального «победного визита» в Италию, ближайшего союзника режима, в мае 1939 года представитель военных заявил графу Галеаццо Чиано, министру иностранных дел и зятю Муссолини, что главное различие между Испанией и Италией заключается в том, что роль, которую в Италии играла фашистская партия, в Испании принадлежит военным. Большинство испанских военных рассматривали фалангистов как оппортунистов, которые стремились присвоить себе коррумпированную и искусственную политическую монополию, основанную на иностранных принципах. В течение следующих нескольких лет их враждебность к фалангистам будет продолжать расти³³.

³² Mir, M. Jerez. *Elites políticas y centros de extracción en España, 1938–1957* (Madrid, 1982), 230. См. Также: Pi-Sunyer, C. *Viver. El personal político de Franco (1936–1945)* (Barcelona, 1978), and, on the intermediate level of officials, Recio, G. Sánchez. *Los cuadros políticos intermedios del régimen franquista, 1936–1959* (Valencia, 1996).

³³ О вооруженных силах под командованием Франко см.: Cardona, G. *El gigante descalzo: El ejército de Franco* (Madrid, 2003); Baquer, M. A. *Franco y sus generales* (Madrid, 2005); and Malvárez, J. C. *Losada. Ideología del ejército franquista, 1939–1959* (Madrid, 1990).

Несмотря на полную победу над левыми, разрозненные силы, поддерживавшие Франко, в мирное время не были бы так сплочены, как в военное. По окончании кризиса политическое соперничество вновь возобновилось бы, усугубляясь острой нехваткой ресурсов, коррупцией, которая становилась все более очевидной в условиях новой авторитарной системы, и напряжением, вызванным широкомасштабной войной в Европе. В первые годы после Гражданской войны напряженность внутри режима Франко была сильнее, чем когда-либо за всю его долгую историю.